

•

**РЕТРО-ДЕТЕКТИВЫ
АШТОПА ЧИЖА**

•

А Н Т О Н

ЧИЖ

• Лабиринт Химеры •

роман

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Художественное оформление серии
Петра Петрова

Чиж, Антон.

Ч-59 Лабиринт Химеры : роман / Антон Чиж. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Ретро-детективы).

ISBN 978-5-04-089059-0

Отставного сыщика петербургской полиции Родиона Ванзарова попросили вернуться на службу — дело настолько сложное, что лишь одному ему оно под силу. И в первый же день расследования Ванзаров... убивает жертву преступления! Или все-таки жертва и до этого была мертва?.. Ответить на данный вопрос не смогла полиция города Павловска, по улицам которого бродила мертво-живая девушка. Загадку произошедшего не сумел разгадать и великий криминалист Лебедев: что-то важное все время ускользало из поля зрения. И продолжалось это до тех пор, пока Ванзаров не внял предостережению таинственного библиографа по фамилии Трупп...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089059-0

© Чиж А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

• 1 •

ИЗ ВЫРВАННОГО ОТРЫВКА

**Мая, десятое, года одна тысяча шестьсот первого.
Чиновник городского магистрата Дитрих Ванзариус.**

События, кои случились в достославном городе Пфальце в тот незабываемый год и повергшие членов магистрата и прочих честных горожан в небывалый трепет, относятся к роду происшествий, о которых любой мыслящий человек не станет говорить вслух, не сообщит дорогой женушке и не будет болтать о них за кружкой доброго пива с друзьями. Нет ничего более печального, чем жестокость, проявленная к беззащитным существам. Жестокость тем более чудовищная, что причины ее остались покрыты глубокой тьмой неизвестности, а плоды были столь плачевны и не поддавались человеческому разумению. Те, кого злая судьба заставила стать прямыми свидетелями этих событий, и по прошествии множества лет хранили достойное молчание. Не из-за страха, а по причине радения о нравственности и сердечном спокойствии добрых горожан отцами города было принято мудрое решение вычеркнуть случившееся из всех городских хроник. А до сведения прочих, кто дерзнет их поминать, строжайшим образом довести, что ничего подобного, порочившего честь славного города Пфальца, никогда не было и быть не могло.

И все это неукоснительно исполнялось.

Однако невозможно стереть из памяти истории то, что однажды произошло.

Данное свидетельство точно и правдиво излагает произошедшее, и какими бы ужасными ни казались описанные ниже обстоятельства, они происходили на самом деле и являются историческими фактами...

Итак, однажды вечером, идя из пивной в прекрасном расположении духа, мастерской Ганс Кюхельбахер наткнулся на странный предмет..

*Из старопечатной книги
без титульного листа, обложки и переплета*

Путеводитель

*Для господ, путешествующих по местным
достопримечательностям Павловска*

За год 190_ (оборвано)

Что следует отметить и осмотреть.

Господам путешествующим следует пройти не менее трех мостов, останавливаясь на каждом и делая путевые пометки или быстрее карандашные зарисовки. Наилучший набор английских карандашей для дорожных зарисовок продается в Редакции по цене, которая навсегда станет для вас приятнейшим сюрпризом. При покупке трех наборов для рисования четвертый дарится вам совершенно бесплатно.

Известно, что если пройти через один из мостов и загадать желание, оно может сбыться. Пройдите по всем мостам, загадывая разнообразные желания и отмечая в специально отведенных ячейках оные! Если желания сбудутся, вы имеете шанс выиграть годовую подписку на наш путеводитель! Спешите сообщать о сбывшихся желаниях к нам в Редакцию. Милых дам ожидают дополнительные призы.

МОСТЫ ПАВЛОВСКА:

- Бертонов мост
- Бастионный мост
- Каменный мост
- Дворцовый мост
- Черный мост
- Горбатый мост

- Розовый (Олений) мост
- Мост Аполлона
- Венерин мост
- Пиль-Башенный мост
- Березовый мост
- Ново-Сильвийский мост

• 2 •

**О ПОЛЬЗЕ ПУТЕШЕСТВИЙ,
ИЛИ ПОРИЦАНИЕ ДОМОСЕДСТВА**

1901 год, 30 марта. Павловск.

Нет ничего тоскливее вечера в провинциальном городке. Особенно ранней весной. Особенно, когда городок этот под боком столичного Петербурга. Увеселений и театров нет, лавки закрываются засветло, в ресторане при вокзале дремлет редкий гость, улицы пусты и печальны. Грязь зимняя не уступила грязи летней. Белая ночь не вошла в полную силу. Почтенные жители спать ложатся рано. Да и чем заниматься по вечерам? За самоваром на веранде и то не посидеть. Одним словом — не сезон. Летние дачи скучают без хозяев, которые явятся не ранее 1 мая. Городок пустует и, лениво позевывая, дожидается, когда с первыми солнечными днями он наполнится яркими всполохами модных платьев столичных дам и щегольских костюмов господ.

4-я Оранская улица мало чем отличалась от прочих улиц городка. По обе стороны ее располагались одинаковые двухэтажные домики, без архитектурных изысков, зато новенькие и пригодные, чтобы коротать зимы. Вечерний покой расплывался меж ними туманной пеленой.

Впрочем, в одном доме окна были ярко освещены. Случайный прохожий, соблазнившись подсмотреть за чужой жизнью, мог бы заметить, как по комнатам передвигают-

ся силуэты, раздаётся хозяйственный шум, доносится стук тяжёлых предметов и вообще заметна суета, какая бывает перед приемом гостей или сборами в дорогу. Наконец, из дома вышел господин в теплом пальто и огляделся в оба конца улицы. О появлении случайного извозчика нечего было и мечтать. Скорее пролетит комета, чем объявится пролетка.

Зная характер местных извозчиков, господин не поленился дойти до Николаевской улицы и растолкать спящего на козлах «ваньку». Для порядка поторговавшись, извозчик согласился на скромную плату. Господин вернулся домой на пролетке. Вынес на крыльцо небольшой чемодан. Извозчик, кряхтя и жалуясь по извозной традиции, притянул его веревками позади пролетки. Господин выразил недовольство тем, что чемодан торчит кое-как, чего доброго, свалится на первой кочке. Извозчик держался своего мнения: дело свое он знает, не первый год извозит, жалоб не слышал, а потому никуда чемодан не денется. Вступать в пререкания, результат которых был известен заранее, господину не захотелось. Он лишь пригрозил, что в случае потери чемодана не то что не заплатит ни копейки, так еще в полицию сообщит.

Извозчику такие угрозы были привычны, так что в ум их не брал вовсе. К тому же, понимал извозчик, господин этот в городе почти что чужой и вообще не та птица, чтоб в полицию жаловаться.

Господин скрылся в доме. Через некоторое время на крыльцо вышла дама в дорожной накидке с вуалью на лице. Извозчик пожелал ей доброго вечера и даже приподнял в знак уважения потертую шапку. Ему ответили вежливым кивком. Спустя пару минут вышел и господин, запер замок, чем показал неуважение к местной традиции подпирать дверь палкой, помог даме подняться на подножку и сам уселся спиной и извозчику.

Недалекий путь к вокзалу обошелся без происшествий: чемодан не стал добычей уличных луж. Обещав оплату на обратном пути, господин понес чемодан к поезду, лишив копейки перронного носильщика. Паровоз стоял под парами, вагоны по причине весны и последнего отправления в столицу пустовали.

Господин занес скудный багаж в вагон, устроил на пассажирской скамейке и вышел к даме, ожидавшей на перроне. Они обменялись короткими фразами, господин поддержал ее при входе в вагон. Он дождался, когда паровозик дал свисток, пыхнул облаком пара и, дернув состав, потащил к отстоящему на двадцать пять верст Царскосельскому вокзалу столицы. Господин долго махал вслед последнему вагону, пока тот совсем не исчез в дали рельсового пути. Вернувшись к пролетке, он жестом приказал везти домой. И вскоре подъехал к особняку, из которого отправилась путешественница. Извозчик оборотился и напомнил о плате, на которую подрядился: рубль. Бросив два гривенника, пассажир сошел с подножки.

— Господин хороший, это как же? — произнес извозчик, увидев у себя на ладони монетки по десять копеек.

Ответа не последовало, господин скрылся за дверью дома. Словно сбежал.

От такой обиды извозчик, конечно, выразился цветисто, метко плюнул на крыльцо и, пройдясь кнутом по спине понурой лошаденки, отправился куда глаза глядят, то есть в конюшню. Рассчитывать на новых пассажиров не приходилось. Одним словом — провинциальный городок.

Скрип колес затих за поворотом. 4-я Оранская улица погрузилась в безмятежный сон, как и прочие три.

В доме еще около часа горел свет, но и там хозяин угомонился. Глубоко за полночь, когда тишина и тьма объяли городок безраздельно, в сад, окружавший дом, проникла еле различимая фигура, которая прокралась к кухонной двери.

Послышался негромкий хруст отпираемого замка. Дверь, заделанная на зиму, охнула и поддалась. Оглянувшись, черн^{ый} силуэт проник в дом.

Более ничего не нарушило ночной покой.

• 3 •

**О ПАДЕНИИ НРАВОВ ВООБЩЕ,
«О TEMPORA! О MORES!», ТАК СКАЗАТЬ**

1902 год, апрель.

Печальные происшествия, случившиеся ныне, дали повод газетным репортерам для зажигательных статей, которыми они веселили публику. Так, они сообщали: «18 марта в Москве было совершено покушение на обер-полицмейстера города Трепова. В начале второго часа дня, во время приема просителей в обер-полицмейстерском доме из толпы просителей вдруг стала протискиваться неизвестная женщина, на вид около 30 лет, одетая в черную юбку и кофточку, и, растолкав, насколько было возможным, стоявших впереди нее, направила руку с револьвером на генерал-майора Трепова. Она два раза спустила курок, но, к счастью, выстрела не последовало. Оба раза револьвер давал осечку. Револьвер старый, малого калибра, оказался заряженным шестью зарядами. Преступница арестована».

Выяснилось, что покушение совершила слушательница женских курсов, домашняя учительница, некая барышня Алларт. Дурной водевиль состоял в том, что 9 февраля она была задержана в Университете при студенческих беспорядках, а за три дня до покушения на обер-полицмейстера освобождена по его личному распоряжению, которое он дал, будучи растроганным слезами ее матери и болезнен-

ным состоянием самой смутьянки. И как она отплатила за милость!

Мало того! 2 апреля случилось преступление чудовищное, на которое газетчики накинулись, как голодные волки. Они доносили: «Около часа дня при входе министра внутренних дел Сипягина в помещение комитета министров, в Мариинском дворце приехавший за несколько минут до этого в карете и ожидавший министра в швейцарской неизвестный человек в военной офицерской форме, подавая запечатанный конверт, произвел в министра четыре выстрела, убив Сипягина и тяжело ранив его егермейстера». Раненого доставили в Максимилиановскую лечебницу, но от полученных ран тот скончался.

Преступник не пытался скрыться, а отдал себя в руки полиции. Им оказался некий Степан Балмашёв, член боевой организации эсеров. Вместо раскаяния он потребовал над собой суда и расстрела. Никакие уговоры, не исключая слез его матери, на убийцу не подействовали.

Корень зла, как видимо, заключается в том, что газетам дали слишком много вольности. Одни пишут о чем ни попадя, другие читают до одури. Результатом является то, что у читающей молодежи окончательно свихнуты мозги. Все это творится при полном попустительстве полиции. Чего же мы еще хотим!

● 4 ●

О ПОЛЬЗЕ НОЧНЫХ ПРОГУЛОК

1902 год, 25 апреля. Павловск.

Вечер обещал быть чудесным. И никаким другим быть не мог. Василий Ильич Антонов ощутил это своим большим и, в общем, незлым сердцем. Причин для такой счастливой уверенности было множество. Начать с того, что в

Павловск явилась окончательная весна. Белые ночи стали теплы, в воздухе густо пахло молодой зеленью, покрывшей ковром дворцовый парк, сады при дачах и улицы городка. Потерпеть меньше недельки — и начнется сезон, а вместе с ним бурление жизни, очаровательные дамы, приятные встречи, концерты в Павловском *воксале* и всякое такое прочее, чего Василий Ильич ожидал со сладким нетерпением. И вовсе не как провинциал, тосковавший по солнцу столичных развлечений.

Василий Ильич Антонов занимал счастливую должность Управляющего городом Павловском, да-да, именно так здесь именовался городской голова. Хоть в подчинении у него было наперечет чиновников и дворников, но статус обязывал показываться в сезон везде и быть в курсе всего. Каждой весной Василий Ильич превращался из зимнего ленивца в деятельного и энергичного джентльмена, который следит за чистотой своего костюма и свежестью бутоньерки в петлице. Все лето его можно найти в самых людных местах, каждой приятной даме, особенно молоденьким барышням, он изысканно отвешивает поклоны и желает самого доброго денька. Когда в Павловском *воксале* случался большой концерт, Василий Ильич, ни за что при организации концерта не отвечавший, всегда старался быть на виду, отдавая распоряжения и замечания не для того, чтобы их исполняли, а чтобы высокое начальство и придворные, непременно бывавшие на таких важных событиях, видели, как печется хозяин города о всяком деле. Пускать пыль в глаза и казаться нужным там, где это совсем не требовалось, Василий Ильич научился виртуозно. Да и как иначе удержаться на таком сладком месте, до которого найдется много охотников с влиятельными родственниками.

Павловск имел немного странную судьбу. Возникнув вместе с Большим дворцом, он так и не стал полноценным городом. Вся слава, забота дворцового ведомства и деньги достались его старшим родственникам — Царскому Селу и

Гатчине. На долю же Павловска приходились сущие крохи. Несмотря на роскошный парк со статуями и памятниками, живописными пейзажами и чудесными постройками в средневековом стиле, Павловск никак не дотягивал в общественном мнении до планки престижного и модного места. Конечно, все помнили, что тут давал концерты великий Штраус, что половина дач принадлежит знаменитым и влиятельным фамилиям. Однако эти козыри никак не давали городку сыграть блестящую партию. А потому Василию Ильичу приходилось использовать всю верткость своей натуры, чтобы на финансовые крохи держать улицы в некотором порядке и себя не забыть.

Жители города и тем были довольны. Постоянное население составляли отставные военные невеликих чинов, бывшие чиновники, мелкие ремесленники и обыватели, которым доходы не позволяли проживать в столице. В основном люди тихие, спокойные, семейственные, с детьми и внуками, скромные в запросах и интересах. В городе не было ни книжного магазина, ни библиотеки, театр открывался только летом, аптека была одна, а торговля, не считая мелочных лавок, умещалась в Гостином дворе, похожем на петербургского родственника на Невском проспекте, как мушка на слона. Управляя скромными средствами скромного городка, Василий Ильич Антонов научился радоваться малому, особенно наступлению лета.

Нынешним вечером у Василия Ильича была еще одна веская причина чудесного настроения: очередное заседание «Комитета попечительства о народной трезвости» прошло чудесно. В состав Комитета, кроме самого Василия Ильича, входили исключительно приятные господа, а именно: полицмейстер города Павловска Сыровяткин, главный врач местной больницы Дубягский, брендмейстер казенной пожарной команды при Павловской полиции Булаковский и еще несколько не столь значительных господ. Комитет столь рьяно пекся о народной трезвости, что члены его